
С. Я. КУЗНЕЦОВА

**ДУХОВНО-НРАВСТВЕННАЯ
АВТОНОМНОСТЬ
И СМЫСЛОЖИЗНЕННОЕ СЛУЖЕНИЕ
ХРИСТИАНИНА***

Анализируется проблема служения христианина как смысложизненный феномен человеческого бытия и его индивидуальная духовно-нравственная автономность. Исследуются поступки христианина, создающие духовно-нравственные подвиги в христианской этике. Показывается, что устремление человека к Абсолюту, преодоление земных препятствий посредством духовного самоанализа, противоречивой внутренней борьбы, реализованной в поступках, способствуют подлинному служению в том смысле, что без поступков служение реализовать не может. Наряду с этим рассматриваются разные концепции понимания любви, показывается, чем обусловлена тяга человека к трансцендентному, насколько представление об Абсолюте может влиять на реальные поступки человека, его устремления к высшим ценностям. Объектом исследования является смысложизненное служение христианина. В качестве предмета исследования выступает духовно-нравственная автономность христианина. В работе показывается, что путь каждого к Абсолюту, к Богу, является индивидуальным. В этом смысле христианские заповеди и идея откровения не противоречат автономии личности.

Ключевые слова: *духовность, автономность, смысл жизни, религиозное служение.*

The problem of Christian service is analyzed as a life-meaning phenomenon of human existence and its individual, spiritual and moral autonomy. The actions of a Christian that create spiritual and moral achievements in Christian ethics, are examined. It is shown that a person's striving for the Ab-

* **Для цитирования:** Кузнецова С. Я. Духовно-нравственная автономность и смысложизненное служение христианина // *Философия и общество*. 2023. № 3. С. 127–142. DOI: 10.30884/jfio/2023.03.08.

For citation: Kuznetsova S. Ya. Spiritual and Moral Autonomy and Meaningful Life Service of a Christian // *Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and Society*. 2023. No. 3. Pp. 127–142. DOI: 10.30884/jfio/2023.03.08 (in Russian).

Философия и общество, № 3 2023 127–142

DOI: 10.30884/jfio/2023.03.08

solute, overcoming earthly obstacles, through spiritual self-analysis, contradictory inner struggle, realized in actions, contributes to genuine service in the sense that service cannot be realized without actions. In addition, different concepts of the understanding of love are considered, and it is shown what causes a person's longing for the transcendent, how much the concept of the Absolute can influence a person's actual actions, his aspirations for higher values. The subject of the study is the meaningful life service of a Christian. The object of the study is the spiritual and moral autonomy of a Christian. The work shows that each person's path to the Absolute, to God, is individual. In this sense, the Christian commandments and the idea of revelation do not contradict the autonomy of the individual.

Keywords: *spirituality, autonomy, meaning of life, religious service.*

Введение

Духовно-нравственное самосознание личности возникает в связи с социализацией человека, усвоением общечеловеческих и этических ценностей. Если рассмотреть самосознание и развитие личности с социологической стороны, то мы выйдем на такое понятие, как благополучие. В толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля даются определения ряда смежных с этим понятий: благосостояние, благоденствие, счастье, желанное состояние, душевное приволье, удовольствие [Даль 1882: 93]. Во всех этих понятиях отражается заинтересованность человека в определенных качественных характеристиках своей жизни, желание обрести условия жизни, которые привели бы его к счастью. В соответствии с «Философским энциклопедическим словарем» под благом понимается «то, что имеет ценность. Благо является предпосылкой нравственных ценностей» [Философский... 1983]. Аристотель считал, что благо определяется по-разному в разных категориях. «...Если “благо” имеет столько же значений, сколько “бытие” (to on) (так, в категории сути благо определяется, например, как бог и ум, в категории качества, например, – как добродетель, в категории количества – как мера [to metrion], в категории отношения – как полезное, в категории времени – как своевременность [karaios], в категории пространства – как удобное положение и так далее), то ясно, что “благо” не может быть чем-то всеобъемлюще общим и единым. Ведь тогда оно определялось бы не во всех категориях, а только в одной» [Аристотель 1984: 59]. Это означает, что благо связано с разными проявлениями жизни. Если обратиться к религиозному

мировоззрению, то благо связано с Богом. Это гармония в уравновешенном балансировании материального и идеального, с точки зрения бытийного субстрата. То, как можно понимать такую гармонию, и является темой данной статьи.

Духовно-нравственная автономия и тяга к трансцендентному

В статье Н. А. Бобровой «Духовно-нравственная основа становления личности» говорится о том, что духовность есть духовно-нравственная автономность человека, что прежде всего связано с особым пониманием духовного. Духовно то, что являет и наполняет смысл нашей жизни гармонией с природой и Богом.

В «Современном философском словаре» А. А. Грицанова духовность подразделяется на следующие аспекты: «1) нематериальность, бесплотность; 2) одухотворенность; наполненность духом творчества, творящим духом; 3) процесс гармоничного развития духовных способностей человека», при этом светская духовность рассматривается как «перевернутая религиозная формула: вместо описания духовности как присутствия в душе человека Духа Божьего о духовности говорят как о добровольном выборе индивидом важнейших общественных ценностей и идеалов и подчинении своей жизни их требованиям» [Современный... 1999: 266–267]. Нравственная автономность предполагает норму, установленную обществом. Это то, что можно отнести к общепринятым понятиям – таким как честь, добро, зло, долг и др. Духовно-нравственная автономность личности связана с душой и духом, направлена на их удовлетворение. В христианском смысле потребности души и духа удовлетворяются через религию, мораль, молитву, духовно-нравственное воспитание.

Проблема состоит в том, что в индивидуальной, духовно-нравственной автономности самосознания личности мы должны научиться воплощать в себе трансцендентный, возвышенный, подвижнический замысел Абсолюта в земном бытии. Сознание своей связи с Абсолютом формирует особое целеполагание, основой которого выступает служение. Оно помогает прожить не напрасно, осуществить высший замысел, заключающийся в создании нового, преобразовании реальности по законам добра и красоты. Цель служения, которую мы ставим перед собой, согласно религиозной доктрине, помогает человеку частично освободиться от первородного греха, в результате которого все стали смертными и страстными людьми. Это можно понимать и как задачу, совпадающую с зада-

чей светского нравственного воспитания освободиться от плохой, испорченной, а может быть, просто недостаточно развитой природы и сформировать новую природу – более совершенную [Разин 2004: 214].

Надо сказать, что идею трансцендентного, по-видимому, нельзя исключить из любого философского рассуждения. Нам хорошо известны работы Г. Г. Майорова «Философия как искание Абсолюта» [Майоров 2007], П. П. Гайденко «Прорыв к трансцендентному» [Гайденко 1997].

Понятие интеллигибельного, трансцендентного мира играло важную роль в этических построениях И. Канта. Почему же человек в своих философских рассуждениях не может обойтись без этих понятий? Одно из интересных решений предложено у специалиста по современной философии сознания Н. Хамфри. Он говорит о том, что петлевые процессы в мозге всегда наполняют наши чувства элементами трансцендентного. Это, с одной стороны, делает всякое трансцендентное недоступным для научного анализа. Но, с другой стороны, если трансцендентное – просто элемент нашей фантазии, нашей интерпретации мира, это становится вполне объяснимым. «Если ощущения действительно обладают свойствами нездешнего мира, неудивительно, что поиск теории оказывается под угрозой. Но если свойства ощущений лишь как будто принадлежат нездешнему миру – это уже совсем другое дело» [Хамфри 2014: 40].

В принципе люди в своем нравственном поведении могут руководствоваться разными идеями. Кто-то верит в Бога и строит на этой вере свое нравственное поведение. Кто-то разделяет другие ценности. Но ясно одно: без нахождения какой-либо цели для преодоления исходных пределов своего бытия человек не сможет стать нравственной личностью.

Если вспомнить Данте, то это есть суть очищения посредством самоотдачи. Данная цель призывает утвердить свою индивидуальность, личность и духовно-нравственную автономность в вечном, а значит, в других людях. Тем самым мы создаем путь всей нашей жизни, который увековечит нас в памяти потомков и поможет им самим в поисках сакрального, идеального, духовного.

В книге П. П. Гайденко «Прорыв к трансцендентному» делается попытка донести до читателя мысль о том, что идея трансцендентности способна к представлению. Имеется в виду, что мы способны познавать при помощи чувственного и рассудочного, в том плане, что чувственное – это то, что дается, а рассудочное – то, что

мыслится в контексте восприятия целостной ситуации. В результате высшей разумной мыслительной деятельности может формироваться продуктивная способность к воображению в контексте трансцендентного. Если вспомнить М. Хайдеггера, то это именно модусы трансцендентной способности воображения. Однако, по мысли И. Канта, представление должно быть, с одной стороны, интеллектуальным, с другой – чувственным. Кант называет две трансцендентальные формы чувственности: пространство и время. Именно благодаря этим формам разрозненные чувственные данные приобретают характер целостности в процессе восприятия. Время составляет форму наглядности, то есть чувственное, и содержится во всяком эмпирическом многообразии. Все то, что мы относим к явлениям, становится возможным посредством трансцендентального временного определения и априорных пространственных форм. Априорная способность воображения есть схема чистого разума. Это внутренняя способность онтологического познания. Чистое же созерцание есть априорная форма чувственности, которая позволяет возникнуть изображению созерцаемого. И. Кант считает, что человек обладает чувственной интуицией, в то время как интеллектуальная интуиция ему недоступна, это конечность человеческого познания. Интеллектуальная интуиция может быть дана Божеству, так как это вид бесконечного познания. Отсюда Кант в теологических лекциях 1770-х гг. писал, что у человека – понятия, а у Бога – идеи.

Г. Г. Майоров в книге «Философия как искание Абсолюта» [2007] говорит, что теолог принимает Божественный Абсолют в акте веры, а исходя из этого, устанавливает связь с Богом. Но дело в том, что философ движется по бесконечному пути, и получается, что окончательное познание с критической точки зрения Абсолюта невозможно. Сама по себе философия рождается из нравственного сознания и старается критически оценить подлинное достоинство человека в бытии. Мы познаем истину как добро, а добро охвачено любовью, в свою очередь любовь способствует исканию подлинного бытия. Такая любовь нравственна. Нравственность оказывается уместной тогда, когда предстает как самоценный элемент жизни. Такое понимание морали как высшей ценности подчеркивали многие мыслители (Сократ, стоики, И. Кант, Ф. Брэдли и др.).

Любовь – это крайне сложный феномен человеческого бытия. Такие известные авторы, как Э. Фромм, М. Бубер, К. Льюис, С. Л. Франк, предлагали свои определения. Но всех их объединяет

мысль о том, что любовь – это прорыв к другому, качественно новая стадия бытия человека. Часто подчеркивается мистическая сторона любви, связанная с интуицией, еще не до конца понятными нам человеческими способностями. Так, С. Л. Франк пишет: В «каждом подлинном отношении любви любимое “ты” представляется нам бесконечно ценным и – как ценность и бытие в конечном счете совпадают в идее основания основоположного бытия... Но бытие в другом, в “ты” все же остается вместе с тем бытием в форме “я есмь”, бытием “я” и даже представляется мне каким-то впервые обретенным истинным бытием “я” – именно бытием, обогащенным через обладание “ты”. <...> Я “расцветаю” “обогащаюсь”, “углубляюсь”, впервые начинаю вообще подлинно “быть” в смысле опытно осознанного внутреннего бытия, когда я “люблю”, то есть самозабвенно отдаю себя и перестаю заботиться о моем замкнутом в себе “я”. В этом и заключается чудо, или таинство, любви, которое, при всей его непостижимости для “разума” (то есть трансрациональности), все же самоочевидно непосредственному живому опыту» [Франк 1990: 496].

В книге Э. Левинаса «Избранное: Тотальность и Бесконечное» упоминается о концепции двойственной любви. Как правило, любовное устремление направлено на другого, но, с другой стороны, любовь может быть направлена на вещь, абстракцию. Сама по себе любовь выходит за пределы имманентного и направлена на трансцендентное. Любовь стремится по своему субстратному началу к бытию с родственной душой [Левинас 2000].

Любовь и служение христианина

Стоит затронуть с точки зрения философской критической позиции важную особенность любви: она переходит в потребность и предполагает переход из внутреннего во внешнее, в данном контексте – в любимого человека. В то же время она имеет выход за пределы реальности. Любовь, будучи наслаждением, не говорит правду о себе в контексте языка эротики или духовности. Э. Левинас рассматривает другого как объект потребности, личного распоряжения. Любовь находится по ту и другую сторону с точки зрения желания, потребности и трансцендентного, благовидного. Любить – значит тревожиться за другого, быть ему помощью. Любовь предполагает возвращение к самому себе в том смысле, что когда мы любим другого, то мы и возвращаемся сами к себе. Но стоит подвергнуть критическому сомнению слова Левинаса в отношении

личного распоряжения другим человеком. Необходимо понимать, что изначально человек – это уникальная, неповторимая, живая единица, та же монада, способная отражать и воспринимать весь мир, а посему способная иметь свободную волю, и он не является вещью для другого человека. В отношении двойственной природы любви человек волен выбирать: один выберет эрос, другой – духовность, и последствия, которые человек встретит на пути, – это, возможно, последствия неправильного выбора, за который придется расплатиться трудностями, страданием и отсутствием счастья. Левинас хочет сохранить инаковость другого, глубокий смысл и тайну. Сознание при встрече с другим хочет распространить свою власть и мысль. Но оно пугается встречи с другим и не возвращается к самому себе. Это формирует безграничное нравственное отношение по отношению к другому. «Радикально помышленное Дело есть то движение Тожественного к Иному, которое никогда не возвращается к Тожественному. ...Оно не требует благодарности Иного: ведь благодарность была бы именно возвратом движения к своему началу» [Левинас 2004: 614]. Другой является перед нами в необычной форме. Встреча собственного сознания с другим происходит тогда, когда мы видим в нем личность. Но наша власть кончается и начинается господство другого. Мы как бы капитулируем перед его инаковостью. Мы не можем контролировать другого, так как он ускользает из-под контроля. Поэтому встреча с другим – это нравственная борьба внутри нашего Я.

В статье И. Тикуннова «Миссионерское служение как свидетельство Православной веры» [Тикуннов 2018] анализируется служение как истина, а истина – это Христос. Необходимо прежде всего понять, что есть православная миссия. Это глубокое служение, направленное на расширение христианской веры. У Левинаса другой в его высшем понимании – это Бог. То же можно увидеть у М. Бубера. Бог – это такое «Ты», которое никогда не может быть рассмотрено предметно, не может быть рассмотрено как объект.

Изначально под миссией предполагалось служение и распространение учения Бога в нехристианских обществах. Миссионер – это страдалец, который страдает душой за свою паству. Миссионер – тот, кто участвует в спасении рода человеческого, ради которого спустился на Землю Христос. Православие есть подвиг и жизнь, посему проповедует подвиги. Миссионер помогает открыть людям путь к Богу. Но само по себе служение связано со скорбями, лишениями, притеснениями.

Автономное бытие человека

В книге Н. А. Бердяева «О назначении человека» [1993] анализируется автономное бытие человека. С точки зрения философской критики оно трагично, так как само по себе переживание природы добра и зла в человеке предполагает нелегко разрешимую нравственную норму и закон. Имеется в виду, что одной автономности человека недостаточно для жизненного подвига и служения. Имеет место быть разрешимость. Дуализм, относительно разрешимости, предполагает грехопадение, потерю первоабсолютной райской ценности, отсутствие рефлексии. В свою очередь христианство обнаруживает и констатирует бессилие добра как закона. Человек не может, достигнув праведного бытия, оправдаться пред законом и в его контексте. Христианство пытается уйти за рамки закона. Этика закона есть дохристианская этика, языческая. Существуют свидетельства, что каноническое Евангелие искажалось, в него вносились элементы законничества. Об этом писал Л. Н. Толстой в работе «В чем моя вера» [Толстой 1913: 91–92]. Этика закона предполагает личностную, а абстрактную, ведь закон одинаков для всех. В «морали закона» господствуют нормы и оценки, ориентированные на то, чтобы подчинить человека обществу, в них преобладает диктат «общего», «общеобязательного», «общественно необходимого». Эта мораль учитывает лишь «элементарные и нетрагичные случаи жизни – не следует убивать, красть, развратничать и т. п., и это одинаково для всех людей» [Бердяев 1993: 140].

В этике закона имеет место обыденность, что предполагает охлаждение творчества к бытию, нравственному сознанию. Помимо всего прочего, в контексте смысложизненного служения и автономности невозможно добиться полного идеалистического нормативизма. Такая этика подлинно не знает внутренний, глубокий, индивидуальный мир человека. Но люди в своем личном бытии приобщаются к искуплению. Это открывает перед ними божественную любовь как призыв и означает революционный переворот в нравственных целях, ценностях, оценках. Христианство ставит людей выше социального понимания добра и зла. Любой христианский подвиг есть индивидуальный подвиг, но не социальный. Сама по себе любовь может быть направлена конкретно на личность, а не на отвлеченность. Любовь к дальнему есть отвлеченная любовь, в то время как к ближнему она конкретна. Жалость выходит из любви, но любовь выше жалости. Смысл любви заключен в помощи несения креста ближнего, а не в возлагании на него нового. Это совместное разделение испытаний с другим человеком.

Любовь у Бердяева выражается не только в смирении, покаянии, но и в утверждении бытия человека и его вечной жизни через покаяние, ибо тогда он признает Царствие Небесное, Бога и любовь. Настоящая любовь конкретна и индивидуальна. Любовь выражается в личности, в утвержденном бытии, в вечности. Полнота любви заключается в братстве, а не только в добрых делах и в любви к ближнему. Любовь предполагает избрание и различие по субстратному началу. Необходимо творческое восполнение христианской этики посредством любви покаянной. Это любовь душевно-духовная. Духовное наполняет все бытие смыслом и дает начало всему, а душевная без духовного способна на распад. Любовь определяется отношением личности к личности, личности к Богу в осознанном покаянии, направленном на устранение несовершенного, греховного. Посредством покаяния человек борется не только с грехом как таковым, но и с возможностью его повторения. Однако не всегда посредством покаяния зреют духовные плоды, оно может дойти и до духовного самоубийства. Кроме всего прочего, человек жаждет искупления в смысле различения добра и зла. При этом имеется в виду, что посредством искупления и Бог принимает участие в отношении добра и зла. Искупление есть примирение с Богом и – с христианской теологической точки зрения – победа над атеизмом. Искупление соединяет добро и бытие. Искупление освобождает человека от закона. Искупление есть освобождение. Это нравственный революционный переворот оценок, ценностей. Этика искупления есть этика богочеловеческая, историческая, а не языческая, природная. Евангельская мораль – благодатная сила. Христианская этика искупления поставила человека выше идей добра, закона. Христианская этика построена не на идее, законах, а на бытии.

В книге М. Шелера «Ресентимент в структуре моралей» автор доносит мысль, что сама по себе мораль, особенно в контексте автономности, – это система правил предпочтения самих ценностей. Но, с критической точки зрения, ценности у каждой отдельной автономной личности свои, и они способны вступать в противоречие с другими автономными ценностями другого человека. Например, то, что может представлять автономную ценность из заповедей Бога для верующего, для неверующего может не являться образцом ценностного подражания и принятия. И в таком контексте несправедливо лишать человека права отказа исходя из собственного выбора, так как это дискредитирует автономную универсальность

и уникальность. Стоит отметить, что моральный абсолютизм эволюционирует в связи с предпочтениями и моральной оценкой, тем самым мораль в разные эпохи разная, и здесь имеют место пережитки прошлых эпох. Не стоит забывать, что традиционная христианская мораль вытесняется не только ресентиментом, но и буржуазной моралью, и этого нельзя не отметить. Ресентимент преобразовывает не только мораль, но и автономность человека, поступки, образ жизни, субъективные ценности, не говоря уже о заповедях и отношении к ближним. Имеется в виду, что в каждую эпоху ценности, люди, нравы, идеалы и субъективная автономность меняются. То, что актуально для прошлой эпохи, может отрицаться сейчас, поскольку на душе ржавчина, изъеденная молью. Нравы разложились. В данном контексте разнузданность нужна для того, чтобы взнудать, что есть девиз масонства, так как подлинная любовь к другому человеку не может быть равна потреблению, что актуально при взаимоотношениях между людьми, так как она предполагает сделать для другого что-то, поступиться эгоизмом, раздражением, себялюбием, такую любовь трудно сохранить в разложившуюся эпоху с псевдоморалью. Структура морали предполагает стремление от низшего к высшему, более совершенному. Предполагается, например, что Бог – это тот, кто имеет идею добра, порядка и ценностной автономии. Сам по себе исток христианской любви свободен от ресентимента. Но здесь возникает критически спорный вопрос о том, что любить, жертвовать – это проявление инстинкта самосохранения, эгоизма, обращенности на себя, а это ослабленное бытие. В то время как сущность бытия должна состоять в развитии, полноте, а не в самосохранении. «Если обратиться к традиционному пониманию любви Иисуса, то любовь несет в себе деятельную помощь. Она не исчерпывается одним добром или желанием, а она погружена в позитивную ценность готовности оказать помощь. Мнимая же любовь человека, находящегося во власти ресентимента, помочь не способна» [Шелер 1999: 84]. Христианская любовь и автономность парадоксальны, так как высшие личностные ценности независимы. Получается, что евангельская мораль индивидуальна, как и автономность каждого человека. Любовь – то, благодаря чему все приходит в движение, наполняется высшим смыслом и ценностью. Христианская любовь, по М. Шелеру, направлена на духовное ядро человека. В контексте современного понимания Шелер критично замечает, что современная любовь к ближнему направлена не на личность, а на сумму людей как индивидов.

Он также упоминает, что resentment в современном понимании, в контексте человеколюбия, есть своего рода скрытая антипатия к отдельному ближнему.

Е. О. Дубровная в статье «Столкновение двух разных парадигм: любви к ближнему и любви к дальнему» пытается отразить мысли Ф. Ницше относительно данной проблематики [Дубровная 2014]. Всем известно, что в православии дальние – это ближние, а Ницше считал, что нравственный идеал служения есть дальние. Любовь к дальнему как служение есть самоопределение, воля и самозаконотворчество. Служение дальнему есть любовь к тому же ближнему, но удаленному, который для пути служения может стать звездой.

В книге архимандрита Платона «Православное нравственное богословие» можно увидеть, что нравственная автономность и сознание личности есть образ Бога. Нравственное сознание есть часть общего сознания, а это есть подлинное присутствие в универсуме бытия. Нравственное сознание открывает внутреннее этическое Я. Человек открывает себя для самого себя и переживает себя в собственной оценке [Платон 1994].

Протоиерей Геннадий Нефедов в книге «Основы христианской нравственности» затрагивает мысль, что нравственная автономность есть отношение человека к Богу, человеку и обществу людей. Нравственности человека свойственно развиваться. Христианская же нравственность базируется на вере в Бога, в Святую церковь и Таинства. Христианин приобретает разум, откровение религиозного опыта. Суть автономной религиозности и религиозного сознания есть личный духовный опыт и служение. Христианская жизнь, как и служение, – это не просто добропорядочное поведение, это реальная богочеловеческая жизнь, благодатное служение другим людям и обществу. Отречение от себя и служение другим есть жизнь, сораспятая Христу [Нефедов 2008].

М. Бубер в книге «Два образа веры» призывает критически рассмотреть некоторые стороны религии. Религия, в отличие от морали, – феномен, основанный на откровении, заповедях. Бытие религии требовательно, принудительно, здесь может отсутствовать добровольный выбор человека. Таким образом, если углубиться более критично, религия, утверждая себя, становится посредством утверждения более сомнительной в смысле автономии личности и ее свободного выбора. Например, М. Бубер пишет: «Всякая религиозная действительность начинается с того, что человеческое бытие от рождения до смерти оказывается непостижимым и тревожным,

с поглощения таинственным всего, что казалось надежным. Причем таинственное это – не относительное, недоступное одной лишь человеческой познавательной способности, а значит, принципиально постижимое и лишь пока не познанное, но таинственное по своей сущности, к чему как раз и относится его неисследимость, – непознаваемое. Через эти темные врата (это именно врата, а не обитель, как утверждают многие теологи) верующий вступает в отныне освятившийся будний день как в пространство, в котором он будет сосуществовать с таинственным, получив указания и руководство в отношении конкретной ситуационной связности своего бытия. Отныне он воспринимает свое положение как данное ему Подателем» [Бубер 1999: 177].

Мораль же выглядит действенной и многогранной, хотя в современных религиях активность в миру, направленная на достижение относительных ценностей, вовсе не исключается. Вместе с тем следует признать, что религия способна исказить лицо Абсолюта. Все церковные догмы превращаются в невосприимчивость к откровению. Они способны ввести человека в заблуждение. По существу, то, что именуют Богом, есть идея, то есть помысленное бытие, вера в нравственный идеал. С критической позиции, вместо Бога предлагают исполнение определенных систем, которых по существу не всегда можно достичь и исполнить.

В книге И. М. Андреевского «Православно-христианское нравственное богословие» сообщается о цели и служении православно-го человека. Человек обладает нравственной свободой, помимо этого, человек волен выбирать, поступает и служит он по своей воле или Бога. Но не стоит забывать, что абсолютной свободой человек обладать не может, а Бог может. Мы должны служить людям бескорыстно, вразумлять бесчинных, утешать малодушных, заступаться за немощных, обиженных и оскорбленных [Андреевский].

В книге протоиерея Михаила Фивейского «Духовные дарования в первоначальной христианской церкви» есть глава о достойном служении христианина обществу, где автор указывает, что служение – это субстрат духовного дарования человека. Мы должны источать такой дар людям и обществу, который был дан Богом. Служение указывает человеку на полученную и испытанную благодать. То есть получается, что посредством схождения благодати от Бога к человеку она полностью наполняет человеческий дух, в котором воля Бога и человека совпадают посредством служения другим людям [Фивейский 1907].

В книге Ни Вочмана «Духовный человек» анализируется духовная человеческая ипостась. Верующий христианин, служитель Христов, по мнению автора, должен знать, что такое автономная личность, прежде чем служить, понимать, что он наделен духом, посредством которого существует связь человека с Богом. Если такой человек не распознает данную сущность, то ему будет трудно осуществить служение. Важно понимать, что мы как человеческие существа обладаем независимым духом. Дух не разум, воля и эмоции, а интуиция, совесть, общение. Поэтому посредством духа мы обретаем покой [Вочман 2012].

Перейдем к книге К. Льюиса «Просто христианство», где автор анализирует проблему: а легко ли быть христианином служителю сегодня? Льюис показывает, что христианство предлагает трудный путь. Бог заповедовал взять свой крест и нести его, служа другим, пусть даже это приведет нас к мученической смерти. По существу, трудно отдать другому все, что имеешь сам, и остаться ни с чем. Нам необходимо научиться отказываться от собственного счастья и дарить его в служении другим людям. Что касается церкви, то она существует только для того, чтобы привлекать людей к Христу, формировать из них маленьких Христов. Если она этого не делает, все кафедральные соборы, все священство, все миссионерские организации, проповеди, даже сама Библия сведутся лишь к пустой трате времени. Бог стал человеком именно ради этой цели. Нам необходимо соединиться во Христе, тогда мы станем частью того удивительного дара, который нам преподнесен. Только для этого мы и созданы. Например, Льюис пишет: «...пока вы не отдадите себя Ему, вы не сможете обрести своего истинного я. Вам следует по-настоящему отдать себя, без сожалений – отказаться от своего я, и взамен Христос действительно даст вам настоящее я, истинную личность: однако вы не должны приходить к Нему только ради этого. Если ваше личное я – это все, что вас волнует, значит, ваш путь к Нему еще не начинался. Самый первый шаг на этом пути – постараться вовсе забыть о себе. Ваше подлинное новое я (личное я Христа, а также ваше, и оно ваше только потому, что оно – Его) не придет к вам до тех пор, пока вы будете стараться найти его. Оно придет, когда вы станете искать Христа» [Льюис 2018: 47]. В Библии есть странные, волнующие намеки на то, что, когда мы соединимся с Ним и в Нем, многое в природе начнет обретать свой первоначальный, верный смысл.

В книге А. Рено «Эра индивида» автор показывает, что субъект как автономная субъективная индивидуальность влияет на реальность. Каждый человек подобен автономной монаде и уникален сам по себе. Монады тождественны себе и имеют право влиять в плане изменения на другого как автономный субстрат. Не стоит забывать, что действительность конструируется из индивидуальности, следовательно, из автономной субъективности. Сама по себе ценность способна проявиться только в автономии. С другой стороны, автономность есть забота о себе. Сейчас мир имеет тесную связь с эрой автономного субъекта. Идеал гуманизма заложен в идеал автономии [Рено 2002].

Христианское служение и духовно-нравственное достоинство человека

В книге Е. Уайт «Пасторское служение» рассказывается о христианском служении и духовно-нравственном достоинстве человека. Свет, исходящий от жизни истинного христианского служителя, не может быть неясным, как вспышка метеора; он должен быть воплощением спокойного, устойчивого и неизменного сияния небесных светил. Например, Иуда – пример служителя, который любил Христа, но потакал своим порокам. Во Христе он видел чистый, непорочный, неоскверненный характер, и его сердце прониклось любовью к Учителю. Но свет, который был излит на него, возлагал обязанность оставить все унаследованные и приобретенные черты характера, которые противоречили характеру Христа. В этом Иуда не выдержал испытания. Любовь к миру слишком глубоко укоренилась в его сердце, и он не смог ее оставить ради Христа. Он так и не пришел к тому, чтобы полностью отдать себя Христу. Иуда думал, что может сохранить свое собственное служение и Ему, и людям. Он свыкся с порочными чертами своего характера и предался своим греховным привычкам. Вместо того чтобы стать чистым и подобным Христу, он стал эгоистичным, жадным и завистливым [Уайт 2003а].

Заключение

Итак, в статье были проанализированы духовно-нравственная автономность и смысложизненное служение христианина. Было показано, что служение требует самопожертвования. Наша земля для христиан и служителей Божьих – это не место отдыха. «Забывают, что Христос оставил богатство и славу Небес и пришел на

землю, чтобы умереть, и что он заповедал возлюбить друг друга так, как Он возлюбил нас» [Уайт 2003б]. Необходимо понять бесконечную жертву, принесенную Сыном Божиим ради спасения падших людей, а душа должна наполниться духом бессмертной любви.

Приведенные в статье многообразные позиции по поводу понимания трансцендентного и поисков человеком Абсолюта показывают, что путь к Богу не может быть понят однозначно, а существующие христианские заповеди не ограничивают автономию человека. Автономия выражается в осмыслении многообразных связей человека с миром и с его тягой к трансцендентному как определенному идеалу, также и с пониманием того, что этот идеал не беспочвен, что он связан с субстратной основой мира, что из этого следуют объективные основания христианского служения.

Если Бог поручает нам тяжелый труд, мы обязаны совершать его безропотно. Бог предстал пред людьми не как царь, требующий к себе внимания, почтения, преданного служения, а как тот, кто сам желает послужить и возвысить человечество. Подлинное служение предполагает любовь к ближнему. Каждое служение человека должно быть наполнено милосердием, любовью, состраданием.

Литература

Андреевский И. М. Православно-христианское нравственное богословие [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Ivan-Andreevskij/pravoslavno-hristianskoe-nravstvennoe-bogoslovie/> (дата обращения: 06.07.2023)

Аристотель. Никомахова этика / Аристотель // Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 53–293.

Бердяев Н. О назначении человека. М.: Республика, 1993.

Бубер М. Два образа веры. М.: АСТ, 1999.

Вочман Н. Духовный человек. М.: Книгоноша, 2012.

Гайденко П. П. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века. М.: Республика, 1997.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. СПб.; М.: Тип. М. О. Вольфа, 1882.

Дубровная Е. О. Столкновение двух нравственных парадигм: «любви к ближнему» и «любви к дальнему» // Ученые записки Казанского ун-та. Гуманитарные науки. 2014. Т. 156. Кн. 1. С. 143–147.

Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное. М.; СПб.: Университетская книга, 2000.

Левинас Э. Гуманизм другого человека / Э. Левинас // Избранное: Трудная свобода. М. : Росспэн, 2004. С. 591–663.

Льюис К. Просто христианство. М. : АСТ, 2018.

Майоров Г. Г. Философия как искание Абсолюта (фрагментарные размышления о сущности философии) // Наука. Философия. Религия. Кн. 2 / отв. ред. П. П. Гайденок, В. Н. Катасонов. М. : ИФРАН, 2007. С. 147–163.

Нефедов Г., прот. Основы христианской нравственности. М. : Паломник; Сибирская Благовонница, 2008. 288 с.

Платон, архим. Православное нравственное богословие. Сергиев Посад : Свято-Троиц. Сергиева Лавра; М. : Круглый стол по религ. образованию в Рус. православ. церкви, 1994.

Рагин А. В. Этика: учеб. для вузов. 2-е изд., перераб. М. : Академический Проект, 2004.

Рено А. Эра индивида. К истории субъективности. СПб. : Владимир Даль, 2002.

Современный философский словарь / сост. А. А. Грицанов. Минск : Книжный дом, 1999.

Тикунов И. Миссионерское служение как свидетельство Православной веры [Электронный ресурс] : Нравственные ценности и будущее человечества. Материалы Пятых региональных Рождественских образовательных чтений / под общ. ред. прот. Вадима Ершова. Пенза : Пензенская духовная семинария Пензенской Епархии Русской Православной Церкви, 2018. URL: <http://www.blagovestnik.org/books/00132.htm> (дата обращения: 05.04.2023).

Толстой Л. Н. В чем моя вера / Л. Н. Толстой // Полн. собр. соч. М. : Тип-я Сытина, 1913. Т. XV. С. 54–183.

Уайт Е. Пасторское служение. М. : Источник жизни, 2003а.

Уайт Е. Свидетельства для церкви. Т. 1. 2003б [Электронный ресурс]. URL: <http://soteria.ru/s2766/> (дата обращения: 05.04.2023).

Фивейский М. Духовные дарования в первоначальной христианской церкви. М. : Тов. тип. Мамонтова, 1907.

Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М. : Советская энциклопедия, 1983.

Франк С. Л. Непостижимое / С. Л. Франк // Соч. М. : Правда, 1990. С. 183–603.

Хамфри Н. Сознание. Пыльца души. М. : Карьера Пресс, 2014.

Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. СПб. : Наука, Унив. кн., 1999.